

Михаил Юрьевич ШипиловИркутский государственный университет, аспирант факультета теоретической и прикладной филологии, Иркутск, Россия
e-mail: ironhawk1123@gmail.com**Ненормативное написание лексической единицы
как маркер ее семантической специализации
(на материале эрративов *жоский* и *жоско* в неофициальной интернет-коммуникации)**

Аннотация. Данная статья посвящена эрративам (намеренно искаженным написаниям слов) в неофициальном онлайн-общении. Анализируя эрративы *жоский* и *жоско*, автор доказывает, что некодифицированные написания могут быть маркерами семантической специализации соответствующих слов. В частности, выясняется, что анализируемые эрративы используются для маркировки нового частотного значения, не отраженного в словарях. Возникновение данного значения и его широкое распространение в неофициальной интернет-коммуникации объясняется склонностью носителей русского менталитета к эмоциональности и крайним оценкам и, следовательно, актуальностью экспрессивных лексических единиц для неформального общения. Опираясь на результаты исследования, автор делает вывод о системности эрративов как единиц языка и письма.

Ключевые слова: эрратив, интернет-коммуникация, семантическая специализация, системность и норма языка и письма, экспрессивность, интенсивность, языковая картина мира, орфограмма.

Mikhail Yu. ShipilovIrkutsk State University, Postgraduate Student at the School of Theoretical and Applied Philology, Irkutsk, Russia
e-mail: ironhawk1123@gmail.com**Misspelling of a Lexical Unit as a Marker
of Its Semantic Specialization
(Based on Erratives *Zhosky* and *Zhosko* in Informal Online Communication)**

Abstract. This article is devoted to erratives (intentionally misspelled words) in informal online communication. Analysing the erratives *zhosky* and *zhosko*, the author proves that uncodified spellings can be markers of semantic specialization of the corresponding words. In particular, it turns out that the analysed erratives are used to mark a new frequency value that is not reflected in dictionaries. The emergence of this meaning and its widespread use in informal Internet communication is explained by the propensity of Russian mentality speakers to emotionality and extreme assessments and, consequently, the relevance of expressive lexical units for informal communication. Based on the results of the study, the author concludes that erratives are systematic as units of language and writing.

Keywords: errative, online communication, semantic specialization, systematic nature and norm of language and writing, expressiveness, intensity, linguistic worldview, orthogram.

Введение (Introduction)

Интернет-общение — это чаще всего общение непринужденное, неофициальное, но при этом письменное, а значит, и написанию в сфере интернета уделяется большое внимание [1; 2]. Если в стандартной ситуации неформального устного диалога в качестве маркеров специализации языковых средств выступают ударение, интонация и своеобразие произношения, то в письменной речи эти способы не применимы, поэтому в данной функции их заменяет графика, например особенности написания слов. Таким образом, нарушение норм правописания, будучи весьма частым

явлением в интернете, не всегда обусловлено незнанием самих норм: пишущий может намеренно допустить орфографическую ошибку с той или иной коммуникативной целью.

К проблеме квалификации и лингвистического описания функционального нарушения орфографии впервые обращается Г. Ч. Гусейнов, предлагая для обозначения намеренно написанных с ошибками слов термин «эрратив» (*маладетс* вместо *молодец*, *пачиму* вместо *почему* и т. п.). Изучая избыточную эрративами неформальную онлайн-коммуникацию на примере веблогов, или сетевых журналов, он отмечает: «Справедливо говорить о нескольких противоречивых

интенциях гоблинской речевой практики. Одна — изоляционистская: эрративы воплощают стремление к поддержанию возможно более закрытого режима в гоблинской субкультуре. Другая — демонстрация новой эпохи, пришедшей на смену времени снятия табу на мат» [3] (гоблинами обычно называли себя пользователи веблогов, активно использующие в речи ненормативные написания). В своем исследовании Г. Ч. Гусейнов приходит к выводу о том, что лексическое значение эрратива, изначально связанное с означаемым соответствующего слова, со временем становится самостоятельным и развивается независимо от него: «Жаргонное слово или предложение, возникшее как эрратив, мало-помалу становится самостоятельной единицей, семантика которой должна обсуждаться отдельно от слова-источника» [3].

С развитием и распространением интернет-коммуникации у эрратива, как у прочно закрепившейся в традиции неофициального онлайн-общения знаковой единицы, появляются новые функции, на которые всё чаще обращают внимание современные ученые [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Так, некодифицированное написание может служить маркером семантической специализации обозначенного им слова, а значит, сегодня семантика эрратива не всегда «должна обсуждаться отдельно от слова-источника» [3]. Мы считаем, что эрративы *жоский*, *жоско* и *жоска* используются именно в этой функции — для маркировки семантической специализации соответствующих лексических единиц. Кроме того, мы убеждены, что такое соотношение языковых и письменных знаков не является уникальным или малопродуктивным. Ранее нами было установлено, что эрративы регулярно выполняют как функцию маркировки семантической специализации (*тупо* вместо *туна*, *туна* вместо *тупо*, *сежу* вместо *сжу* и др.) [11], так и ряд других коммуникативных функций, среди которых были выявлены и описаны функции смягчения и маркировки ироничности высказывания. Данный факт свидетельствует о том, что в неофициальном интернет-общении имеет место тенденция к расширению функциональной нагрузки графического оформления слов, обусловленная стремлением пишущих обеспечить полноценность неформальной коммуникации в исторически неподходящей для этого письменной форме. Иными словами, и здесь письмо продолжает обслуживать систему языка и феномен коммуникации: намеренное изменение графического облика отражает семантическое развитие лексических единиц, фиксирует прагматические аспекты словоупотребления, замещает ключевые для неофициального общения фонетические и паралингвистические средства, не имеющие традиционной графической формы (интонация, громкость речи и др.). В связи с этим важно отметить, что заявленные в заглавии эрративы *жоский* и *жоско* рассматриваются в настоящей статье в качестве показательных и удобных для анализа примеров действия данной тенденции.

Итак, цель нашего исследования — доказать, что некодифицированное написание лексической единицы может быть маркером ее семантической специализации. Для достижения цели были поставлены и решены следующие задачи:

- доказан намеренный характер отступления от орфографической нормы в анализируемых некодифицированных написаниях;

- сопоставлены значения данных слов в сообщениях личной переписки и соответствующие дефиниции, предлагаемые толковыми словарями;

- описано выявленное в результате сопоставления новое, не зафиксированное в толковых словарях значение; определено его положение в лексико-семантической парадигме анализируемых единиц; установлены причины его возникновения;

- выявлены другие экспрессивные лексические единицы, появившиеся в результате действия тех же языковых и когнитивных процессов и также обозначаемые в неофициальном интернет-общении некодифицированными написаниями;

- сделаны выводы о связи выражаемого анализируемыми единицами значения с их графическим оформлением.

В качестве контекстной базы исследования был использован архив личной переписки одного аккаунта социальной сети «ВКонтакте», состоящий из более чем 300 000 печатных сообщений, отправленных в период с 2010 г. по настоящее время. Во всех сообщениях, приведенных в данной статье, сохранено исходное написание. Также в иллюстративном материале используется несколько условных обозначений: квадратными скобками маркируются восстановленные фрагменты высказываний, необходимые для адекватного понимания контекста; горизонтальная черта («—») обозначает переход коммуникативного хода; вертикальная черта («|») — границу сообщений одного пишущего.

Методы (Methods)

Настоящее исследование осуществляется на пересечении системно-структурной и антропоцентрической парадигм лингвистики: с одной стороны, конкретные эрративы интересуют нас как системные единицы языка и письма, а описание особенностей их формы и функций — важная задача; с другой стороны, изучение семантического развития анализируемых лексических единиц невозможно без обращения к регулирующим это развитие когнитивным механизмам, а также к специфике русской наивной картины мира.

Для концептуализации и формулирования гипотезы был использован метод индукции, позволивший сделать предположение о функциональной специфике анализируемых единиц.

В процессе изучения языкового материала применялись методы анализа (для выделения формальных и содержательных свойств эрративов), описания (для фиксации и систематизации выделенных свойств), сравнения (для выявления релевантных параллелей с уже изученными явлениями), а также собственно лингвистический метод подстановки (для доказательства истинности предложенных нами толкований при описании лексического значения анализируемых единиц).

Наконец, на заключительном этапе исследования ключевую роль сыграл метод интроспекции, с помощью

которого было установлено, что рассмотренная нами функция эрративов отражает глобальную коммуникативную тенденцию в неофициальном письменном общении.

Также в отдельном пояснении нуждается способ отображения подходящих для анализа сообщений из общего массива контекстов. Для выявления случаев употребления рассматриваемых эрративов мы использовали встроенную поисковую систему социальной сети «ВКонтакте», однако из-за ее несовершенств — в частности, из-за неразличения некоторых схожих написаний (например, *жоско* и *жоска*) — результаты поиска не всегда соответствовали исходному запросу. В связи с этим списки найденных сообщений впоследствии проверялись с помощью поискового инструмента интернет-браузера, а затем перепроверялись вручную.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Для начала приведем несколько сообщений из контекстной базы настоящего исследования.

(1) *Может там их жоско проверяют и меня вычислят*

(2) *я оглох от второго пацана | у него жоский [микрофон]*

(3) *Говорят экзамен по философии жоский, надо готовиться серьезно теперь(((*

(4) *и ты жоска решила всё пропустить? | Мы же во век не соберемся*

(5) *Пришла тут в 5 утра ко мне идея жоская | которая поможет всем нам*

В подобных примерах, как кажется, в первую очередь привлекает внимание некорректированный графический облик наречия *жестко* и имени прилагательного *жесткий* в разных формах. Чтобы определить, являются ли данные написания эрративами, необходимо доказать или опровергнуть, что их ошибочность неслучайна. Для этого обратимся к сообщениям, отправленным в разное время одним пользователем.

(6a) *не ну так-то жесткий график, всё успеваешь?*

(6b) *но пока нет жоской [серии побед] | то и дело проигрываю*

Как видим, безымянный пишущий, автор сообщений (6a) и (6b), в разных синтагмах по-разному написал слово *жесткий*. Следовательно, кодифицированное графическое оформление ему известно. При этом употребление стандартного написания предшествует использованию ненормативного, а значит, исключаем возможность того, что данный пользователь запомнил корректное написание в период между отправлением этих сообщений.

То же отмечаем и в речи других пишущих.

(7a) *да мне плевать | давай к делу | сори если слишком жестко*

(7b) *[на том видео] ты так жоска разворачиваешься на противника((| у меня бы он сто лет разворачивался*

(8a) *я [информатику] делаю | по ней самый жесткий препод*

(8b) *[я] жоска хотел спать | аж глаза закрывались*

(9a) *Я нам хочу внешний жесткий диск купить для фильмов и других больших файлов*

(9b) *[Сегодня] много жоских [коэффициентов] | можно [легко] деньги поднять*

Таким образом, несоблюдение орфографических норм при написании слов *жесткий* и *жестко* в сообщениях (1–9b) намеренное, в связи с чем соответствующие некорректированные буквосочетания следует признать эрративными.

Теперь определим значение эрративов в сообщениях (1–5). Для этого обратимся к дефинициям, которые предлагает «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [12] для значений имени прилагательного *жесткий*.

1. Твердый, плотный на ощупь; не упругий. *Жесткие стулья. Жесткое мясо. Жесткие волосы.*

2. *полн. ф.* О транспортных средствах: с твердыми сиденьями, полками. *Ж. вагон.*

3. Суровый, грубоватый, резкий. *Ж. характер. Жесткие черты лица.*

4. Не допускающий отклонений, безоговорочный. *Ж. срок. Жесткие условия.*

5. О воде: насыщенный солями кальция и магния, не мягкий (в 7 знач.) [12, с. 193].

Как видим, данного списка не хватает для отражения всех актуальных типов употребления слова *жесткий*: в контекстной базе настоящего исследования обнаруживаем такие сообщения, в которых анализируемое прилагательное и производное от него наречие используются для выражения другого, не зафиксированного в словаре значения. В контекстах (1–5, 6b, 7b, 8b, 9b) это значение зависит от семантики главного слова в синтаксической связи с рассматриваемыми единицами, а также с содержанием других компонентов синтагмы.

Жестко проверять = **тщательно, внимательно проверять** (=> *и меня вычислят*).

Жесткий микрофон = **очень громкий микрофон** (=> *я оглох*).

Жесткий экзамен = **сложный экзамен** (=> *надо готовиться серьезно теперь*).

Жестко решить пропустить = **точно, окончательно решить пропустить** (=> *мы же вовек не соберемся*).

Жоская идея = **интересная, ценная идея** (=> *она всем нам поможет*).

Жоская серия побед = **длинная серия побед** (отсутствие которой объясняется периодическими проигрышами: *то и дело проигрываю*).

Жестко развернуться = **резко, моментально развернуться** (в отличие от подчеркнуто медленной скорости разворота в представляемой пишущим ситуации: *у меня бы он сто лет разворачивался*).

Жестко хотеть спать = **очень хотеть спать** (=> *аж глаза закрывались*).

Жесткий коэффициент (множитель потенциального выигрыша в ставках) = **высокий коэффициент** (=> *можно легко деньги поднять*).

Все подобранные нами контекстуальные синонимы анализируемых единиц связаны общим свойством: они обозначают признаки, проявляющиеся с высокой степенью интенсивности. Иными словами, если представлять эти признаки на шкале, то они окажутся в самой верхней ее части (от *тихий* до **громкий**, от *легкий* до **сложный**, от *низкий* до **высокий** и т. д.). Данный факт позволяет нам утверждать,

что в сообщениях (1–5, 6б, 7б, 8б, 9б) мы наблюдаем разные случаи употребления одной и той же лексемы с контекстуально обусловленным значением. Вне контекста это значение может быть сформулировано только в предельно общем виде: *жесткий* 'такой, который в наивысшей степени интенсивности проявляет какие-либо признаки'. Наречие *жестко*, будучи синтаксическим дериватом, также употребляется в данном значении. Итак, имя прилагательное *жесткий* используется для обозначения какого-либо интенсивно проявляющегося признака предмета, а наречие *жестко* — признака другого признака, действия или состояния. Кроме того, в контекстной базе также встречается категория состояния *жестко*, выражающая интенсивность того или иного признака ситуации в целом.

(10) – [Вчера] было сильно жоско?

– [очень]

Как представляется, описанное значение анализируемых единиц образовалось в результате метафорического переноса наименования на основе сходства структуры признака: *жесткий* «твердый, плотный (о чём-то материальном)» → «плотный, насыщенный (о восприятии свойства какого-либо фрагмента действительности как проявляющегося настолько интенсивно, что оно становится почти осязаемым)». Вследствие контекстуальной обусловленности данного значения рассмотренные нами единицы могут обозначать любые «плотные на ощупь» свойства.

Подобным образом в свое время развивалась лексико-семантическая парадигма слов *крутой* и *круто*, «широко употребляемых в оценочных переносных значениях, развившихся у них еще в 1980-е годы в жаргонной речи, а в 1990-е годы вошедших в литературный язык вследствие распространения через средства массовой информации» [13, с. 89]. Данные оценочные значения образовались от зафиксированных в «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой «суровый, упрямый, своевольный» и «проявляющийся и действующий с большой силой и резкостью» (цит. по: [13, с. 93]), сохранив всё тот же семантический компонент 'интенсивность'.

В контексте настоящего исследования наибольший интерес представляет лексико-семантический вариант, который Г. Н. Склярёвская определяет как «производящий сильное впечатление, неординарный, особо престижный» [14, с. 519]. Считаем необходимым отметить, что в контекстной базе исследования заявленный лексико-семантический вариант функционирует как общеоценочное слово, выражающее положительное отношение к кому- или чему-либо в более экспрессивной форме, чем нейтральное прилагательное *хороший*.

(11) всё пройдет хорошо | не волнуйся | ты же **крутой** [преподаватель]

(12) – Скоро будем есть шашлык

– Шашлык это **круто**

Как представляется, то, что охарактеризовано словами *крутой* и *круто* в примерах (11) и (12), едва ли можно назвать неординарным или особо престижным. Синонимический оборот *производящий сильное впечатление* лучше подходит для описания значения данных лексем, однако в таком случае необходимо уточнить, что выраженное с по-

мощью соответствующих лексических единиц впечатление всегда будет положительным (исключая особые случаи вроде иронического употребления). Таким образом, данные лексемы экспрессивны и выражают общее положительное отношение, уточняемое в каждом конкретном высказывании указанием на характеризующий ими фрагмент действительности.

Судьба данных единиц немногим отличается от истории рассмотренного выше значения слов *жесткий* и *жестко*, которое также является контекстуально обусловленным и образованным в результате внутрисловной деривации, основанной на семантическом признаке интенсивности. Единственное существенное различие заключается в том, что анализируемые лексемы *жесткий* и *жестко* могут обозначать любое впечатляющее интенсивностью своего проявления свойство, независимо от того, как пишущий относится к носителю этого свойства, в то время как *крутой* и *круто* выражают сам факт интенсивно проявляющегося положительного отношения в качестве признака названного фрагмента действительности. Именно из-за этого различия, например, эрратив *жоский* в сочетании *жоская проверка* (= *тщательная проверка*) нельзя заменить на *круто*. Однако в большинстве контекстов прилагательные *жесткий* и *крутой* в описанных нами значениях всё же оказываются взаимозаменяемыми (то же верно и для соответствующих наречий и категорий состояния).

(13) кароч **жоско** (~ **круто**) поиграли.

(14) [Офигеть] | [У тебя] **крутая** (~ **жесткая/жоская**) презентация. | А у меня до сих пор ничего(((

Похожий тип употребления обнаруживается и у других слов, например у прилагательного *мощный* и наречия и категории состояния *мощно*.

(15) если какое-нибудь **мощное** (~ **крутое/жесткое/жоское**) название в голову придет, то обязательно поделюсь)

(16) Вот это поздравление | **Мощно** (~ **круто/жестко/жоско/жоска**)

Мы считаем, что разнообразие подобных экспрессивных лексических средств, подчеркивающих идею интенсивности и часто выражающих личное отношение к кому- или чему-либо, обусловлено особенностями русского национального характера, а именно эмоциональностью и склонностью к крайним оценкам. В данном суждении мы опираемся на научные взгляды А. Вежбицкой, которая утверждает, что русскому менталитету, а значит и русскому языку, свойствен «ярко выраженный акцент на чувствах и их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал речи, богатство языковых средств для выражения эмоций» [15, с. 33–34]. Учитывая тот факт, что содержание наивной картины мира «извлекается путем анализа из значений слов соответствующего языка» [16, с. 59], мы заключаем, что образование новых экспрессивных лексем, отражающих интенсивность проявления какого-либо признака, в рассмотренных нами и, как представляется, многих других случаях напрямую связано со спецификой русской языковой картины мира.

Считаем необходимым отдельно прокомментировать употребление терминов *экспрессивность* и *интенсивность*. Наиболее удачным описанием экспрессивной

функции лексических единиц мы считаем определение В. Н. Телии, согласно которому данная функция «связана с выбором средств, которые удовлетворяют речевой интенции говорящего воздействовать на адресата и заставить его ‘сопереживать’ или ‘содействовать’ адресанту» [17, с. 33–34]. Таким образом, экспрессивность, как свойство языковых знаков, заключается не только и не столько в способности выражать эмоции, сколько в выборе особой формы, подчеркивающей эмоциональность содержания. Следовательно, экспрессивные слова выявляются на основании их сопоставления с нейтральными, неэкспрессивными аналогами. Так, в паре слов *вкусный* — *объедение* обе единицы выражают эмоциональную оценку, но только вторая является экспрессивной, так как с помощью ее образной формы говорящий стремится воздействовать на адресата, вызвать у него чувства, которые испытывает сам. В случае с анализируемым лексико-семантическим вариантом слова *жесткий* нейтральными аналогами становятся его контекстуальные синонимы (некоторые из них мы использовали выше для интерпретации ряда контекстов: *высокий*, *сложный*, *громкий*, *ценный* и т. д.).

При этом важно понимать, что экспрессивность не является исключительно формальным свойством. Как мы уже сказали, экспрессивная лексика используется для того, чтобы вызвать у адресата эмоции, отраженные в соответствующих значениях; следовательно, в соответствующих коммуникативных ситуациях рациональное восприятие тесно связано с эстетическим, в объектах которого традиционно выделяют содержательную и формально-содержательную составляющие. В структуре экспрессивных лексических единиц формально-содержательным компонентом следует признать их этимологию и/или внутреннюю форму. Таким образом, источник экспрессивности выявленного нами лексико-семантического варианта слов *жесткий* и *жестко* — осознаваемая носителями языка связь с производящим значением, которое — именно благодаря тождеству формы — присутствует в производном в качестве своеобразного семантического обертона (то же верно и для пар слов *крутой* — *круто* и *мощный* — *мощно*).

Для настоящего исследования также очень важно понятие интенсивности, которое следует рассматривать в паре с феноменом экспрессивности [18]. Н. А. Лукьянова понимает под интенсивностью «высокую степень проявления признака предмета, явления» [19, с. 185] и отмечает, что «интенсивность “провоцирует” коммуникативную экспрессивность» [19, с. 189]. Иными словами, интенсивность признака как бы притягивает эмоциональную оценку, а вместе с ней и экспрессивную форму ее выражения. Однако лексические единицы со значением интенсивности не всегда оказываются экспрессивными. Так, интенсификатор *очень* по определению указывает на интенсивность некоторого явления, но назвать словосочетания типа *очень красивые* экспрессивными было бы неправильно. Рассуждая о соотношении экспрессивности и интенсивности, Н. А. Лукьянова предлагает связывать последнюю «не с любой количественной квалификацией предмета, явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от “нормаль-

ной меры”, то есть от зоны нормативности, и вследствие этого воспринимается нашим сознанием, в соответствии с определенными культурными установками говорящих, иначе, чем обычный, соответствующий некоторой социальной норме, предмет, явление» [19, с. 190]. Как следствие, экспрессивная лексика актуализирует («не преувеличение (усиление) или преуменьшение (ослабление) некоторого признака предмета, явления, а представление говорящих о такой мере явления (количественный параметр), которая в культуре социума приравнивается к новому качеству» [19, с. 190].

С такой точки зрения экспрессивность рассмотренных нами единиц *жесткий*, *крутой* и *мощный* становится очевидной. Выше мы уже писали, что содержание первой из этих трех лексем можно интерпретировать через отсылку к производящему значению: *жесткий* — «такой, который проявляется столь интенсивно, что становится почти осязаемым, плотным». Употребляя данную единицу, например, в контексте *жесткий (жоский) экзамен*, говорящий косвенно сообщает о том, что воспринимает данный признак не просто как интенсивно проявляющееся свойство сложности, но как новое свойство, требующее нового средства выражения. То же верно и в отношении экспрессивных лексико-семантических вариантов слов *крутой* («такой, который своей интенсивностью вызывает резкие, мгновенно вызываемые положительные впечатления») и *мощный* («такой, который обладает внушительным воздействующим потенциалом, сопоставимым с огромной физической силой»). Учитывая тот факт, что существует немало контекстов, в которых эти и, вероятней всего, другие подобные лексемы в известной степени взаимозаменяемы, можем констатировать, что выбор экспрессивного языкового средства из ряда синонимичных зависит от того, как именно говорящий воспринимает конкретный признак и, соответственно, какое впечатление хочет вызвать у адресата.

Мы убеждены, что нарушение орфографии при написании анализируемых слов обусловлено желанием носителей языка маркировать новое, контекстуально обусловленное значение и тем самым указать на его отличие от других лексико-семантических вариантов в парадигме. Пишущий, используя слова *жесткий* и *жестко* в контекстах (1–5, 6б, 7б, 8б, 9б, 10, 13), отдает себе отчет в том, что употребляет их не так, как, например, в словосочетании *жесткая кровать*. Осознавая специфику нового значения, очевидную в сравнении с другими, уже закрепленными в языке и подвергшимися кодификации, пишущий формально выделяет его на фоне остальных, намеренно искажая нормативное написание.

Что касается распределения кодифицированных (*жесткий*, *жестко*) и некодифицированных (*жоский*, *жоско*, *жоска*) написаний, то здесь мы имеем дело с немаркированными и маркированными членами оппозиции соответственно. Иначе говоря, нормативный графический облик в силу своей традиционности и универсальности может быть использован в любой ситуации, независимо от особенностей употребления — в том числе в контекстах (1–5, 6б, 7б, 8б, 9б, 10, 13), — в то время как эрративы появляются только в тех случаях, когда пишущему необходимо маркиро-

вать семантическую специализацию анализируемых слов. При этом в отдельных случаях не допускающее иронии уважение к орфографическому стандарту и/или привычка к соблюдению общепринятых буквосочетаний не позволяет носителям языка употреблять эрративы. Именно поэтому некоторые интернет-пользователи из числа тех, чьи сообщения составляют контекстную базу настоящего исследования, всегда используют стандартный графический облик, а в речи других встречается как нормативное, так и эрративное написание — в зависимости от значения, в котором употребляется соответствующая единица. В связи с этим важно отметить, что у новых значений слов *жестко*, *мощно* и *круто* есть еще одно сходство: экспрессивные наречия *круто* и *мощно* также могут быть маркированы эрративным написанием.

(17) – Оля, ты где

– я на художке [остановке «Художественный музей»] | и это **крута** | ца приеду и всех вас затискаю [заобнимаю]

(18) – если никто не пойдет | то никто не пойдет!!!!!!

– Ого | **мощна** сказала

Также отдельного комментария требует тот факт, что в отобранных для анализа примерах встречается сразу несколько некодифицированных написаний наречия и категории состояния: *жоско* и *жоска*. Данные эрративы выполняют одну и ту же функцию и отличаются только формально. Обусловлена такая вариативность тем, что эрративный графический облик образуется от стандартного путем изменения/добавления/устранения букв в одной или нескольких орфограммах. Поэтому неважно, сколько раз пишущий намеренно выбрал неправильный графический знак: эрратив является эрративом благодаря самому факту отступления от нормы, а не конкретным буквенным изменениям (А вместо О, пропуск Т и т. п.).

Ввиду этого считаем важным отметить, что для онлайн-сообщества эрративы представляют ценность не только как функциональные единицы, но и как карнавално-игровые элементы, подчеркивающие неофициальность и изменчивость интернет-коммуникации [20]. Данная особенность анализируемых единиц позволяет объяснить, почему от одного кодифицированного написания с несколькими орфограммами очень часто образуются два и более равноправных эрратива, что и наблюдаем в случае с нормативной графической формой *жестко* и ее эрративными коррелятами *жоско* и *жоска*.

Кроме того, в контекстной базе настоящего исследования хоть и редко, но всё же встречаются написания *жосткий*, *жеский*, *жоскей*, *жостко* и *жеско*, которые с функциональной точки зрения ничем не отличаются от подробно описанных нами эрративов *жоский* и *жоско*.

(19) – я вообще предлагаю экстрим | сходить на российское кино

– Ну ты, Вячеслав, вообще **жосткий**

(20) Она их [экзамень] на отлично сдала | Но у них самое **жеское** анатомия | У них из 250 человек пять сдали

(20) [смотри] какой [я] жоскей

(20) вроде пальцы выглядят гораздо лучше, чем вчера | а болят **жостко**

(21) Самое страшное не то что у тебя раны | А болевой шок | У тебя так **жеско** начинает лихорадить тело

Заключение (Conclusion)

Нами были рассмотрены имя прилагательное *жесткий*, наречие *жестко* и категория состояния *жестко*, для письменного обозначения которых интернет-пользователи нередко используют ненормативный графический облик. Сопоставив словарные дефиниции и результаты анализа конкретных случаев употребления соответствующих слов, мы выявили, описали и сформулировали новое, контекстуально обусловленное значение данных единиц: «такой, который в наивысшей степени интенсивности проявляет какие-либо признаки». Изучение корреляции используемых написаний и выражаемых значений позволило квалифицировать анализируемые факты намеренного несоблюдения орфографических норм как средства маркировки семантической специализации лексических единиц *жесткий* и *жестко*. Таким образом, мы можем констатировать расширение функциональности феномена эрративизации — продуктивного коммуникативного приема, который ранее выполнял только изоляционистскую и демонстрационную функции [3].

Опираясь на труды А. Вежбицкой и Ю. Д. Апресяна, мы связали образование новых экспрессивных лексико-семантических вариантов слов *жесткий* и *жестко* со склонностью носителей русского менталитета к эмоциональности и крайним оценкам. Было установлено, что данные черты языковой картины мира также повлияли на семантическое развитие слов *крутой* и *мощный* и производных от них наречий *круто* и *мощно*, тоже подверженных эрративизации (*крута* и *мощна*).

Во всех этих и многих других случаях употребления эрративов мы видим проявление тенденции к расширению функциональной нагрузки графического оформления слов, своеобразную функциональную экспансию системы письма, от которой в условиях неофициального интернет-общения потребовалось гораздо больше, чем просто фиксировать звуковой облик языковых единиц. Обусловленная стремлением пишущих обеспечить полноценность неформальной коммуникации в письменной форме, данная тенденция привела к переосмыслению семиотического потенциала графических знаков и позволила использовать их в принципиально новых для них функциях, одна из которых — рассмотренная нами маркировка семантической специализации лексических единиц. При этом как описанные в настоящей статье, так и не вошедшие в нее новые типы употребления графических знаков и знакосочетаний полностью соответствуют первостепенной цели системы письма — обслуживать языковую коммуникацию. Таким образом, мы можем заключить, что эрративы не только отражают системные изменения языковых единиц, восходящие к особенностям национальной картины мира, но и поддерживают межсистемные взаимоотношения языка и письма.

Библиографический список

1. Ким И. Е. Письмо и правописание, графика и орфография: где проходит граница между системой и нормой // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2014. Т. 13, № 9. С. 12–15.
2. Сиротинина О. Б. Современное состояние русской речи и его соотношение с нормами и системой языка // Вопросы культуры речи : сб. ст. М. : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова Рос. акад. наук, 2011. С. 54–58.
3. Гусейнов Г. Ч. Берлога веблога. Введение в эрратическую семантику // Архивы форума «Говорим по-русски». 2005. URL: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (дата обращения: 11.06.2022).
4. Карасева А. И. Роль и функции эрратива в интернет-сленге // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 2 (86). С. 129–141.
5. Карнуп Е. В. Искажение орфографического облика слова как результат синтеза устной и письменной речи при русскоязычной коммуникации в Twitter // Научное мнение. 2014. № 3. С. 141–146.
6. Нам Х. Х. Узус, норма и система в контексте современного русского языка: на материале интернет-коммуникации // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 33–42.
7. Сон Л. П. Лексико-семантические особенности интернет-коммуникации // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2009. № 1. С. 194–197.
8. Шутилова Н. Н., Ахметьянова Н. А. Эрративы в современном русском языке // Актуальные проблемы современной татарской филологии : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Уфа : Башк. гос. ун-т, 2016. С. 420–422.
9. Уткин Ю. В. Эрратография: аспекты изучения // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 37 (252). С. 136–139.
10. Макарова П. М. Интернет-коммуникация в лингвистических описаниях // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2009. № 557. С. 219–230.
11. Шипилов М. Ю., Горбунова Л. И. Изменение орфографического облика языковой единицы *типа* как отражение ее функциональной специализации // Вестн. Иркут. ун-та. 2018. № 21. С. 178–179.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.
13. Горбов А. А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX–XXI веков // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 87–101.
14. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М. : Эксмо, 2006. 1136 с.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М. А. Кронгауза. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
16. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Школа «Языки русской культуры» : Восточная литература Рос. акад. наук, 1995. 472 с.
17. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности : моногр. / Т. А. Графова, О. В. Латина, Н. А. Лукьянова [и др.]; под ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 8–35.
18. Крючкова Т. М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике // Науч. вестн. Воронеж. гос. архитектур.-строит. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 48–51.
19. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2015. Т. 14, № 9. С. 183–200.
20. Шипилов М. Ю. Эрративы в неофициальном интернет-общении: принципиальная инновация или закономерное проявление системности языка и письма? // Аспирантские чтения — 2021 : сб. материалов науч.-практ. конф. Казань : Казан. (Приволж.) федер. ун-т, 2021. С. 154–164.

References

- Apresyan Yu. D. (1995) *Selected Works. Vol. 1. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka [Lexical Semantics. Synonymic Means of Language]**. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., Vostochnaya literatura Rossiiskoi akademii nauk Publ., 472 p. (in Russian)
- Gorbov A. A. (2015) K voprosu o semanticheskom kal'kirovanii i "vtorichnom zaimstvovanii" v russkom yazyke rubezha XX–XXI vekov [On Semantic Calquing and 'Secondary Borrowing' in Russian at the Turn of the 21st Century], *Voprosy yazykoznaniiya [Topics in the Study of Language]*, no. 1, pp. 87–101. (in Russian)
- Guseinov G. Ch. (2005) Berloga vebloga. Vvedenie v ehrraticheskuyu semantiku [Den of the Weblog. Introduction to Errative Semantics]*, *Arkhivy foruma "Govorim po-russki" [Archives of the Forum "Speaking Russian"]**. Available at: http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm (accessed: 11.06.2022). (in Russian)
- Karaseva A. I. (2008) Rol' i funktsii ehrrativa v internet-slenghe [Role and Function of Erratives in Internet Slang]*, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*, no. 2 (86), pp. 129–141. (in Russian)
- Karnup E. V. (2014) Iskazhenie orfograficheskogo oblika slova kak rezul'tat sinteza ustnoi i pis'mennoi rechi pri russkoyazychnoi kommunikatsii v Twitter [Spelling Deviations Due to Oral Speech Influence on Russian-Language Written Communication on Twitter], *Nauchnoe mnenie [The Scientific Opinion]*, no. 3, pp. 141–146. (in Russian)

Kim I. E. (2014) Pis'mo i pravopisanie, grafika i orfografiya: gde prokhorit granitsa mezhdu sistemoi i normoi [Writing and Spelling, Graphics and Orthography: The Border Between System and Norm], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija* [Novosibirsk State University Journal. History, Philology]*, vol. 13, no. 9, pp. 12–15. (in Russian)

Kryuchkova T. M. (2006) Ponyatie ehkspressivnosti v sovremennoi lingvistike [The Problem of Expressiveness in Modern Linguistics], *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Scientific Journal of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and Cross-Cultural Communication]*, no. 1, pp. 48–51. (in Russian)

Luk'yanova N. A. (2015) Ehkspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive Colloquial Lexis in Semantic Aspect], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija* [Novosibirsk State University Journal. History, Philology]*, vol. 14, no. 9, pp. 183–200. (in Russian)

Makarova P. M. (2009) Internet-kommunikatsiya v lingvisticheskikh opisaniyakh [Computer-Mediated Communication in Linguistic Research], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 557, pp. 219–230. (in Russian)

Nam Kh. Kh. (2013) Uzus, norma i sistema v kontekste sovremennogo russkogo yazyka: na materiale internet-kommunikatsii [Usage, Norms and System in the Context of Contemporary Russian Language: On the Material of the Internet Communication], *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 3, pp. 33–42. (in Russian)

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. (2006) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Dictionary of Russian Language: 80 000 Words and Idioms]*. 4th ed. Moscow, A TEMP Publ., 944 p. (in Russian)

Shipilov M. Yu. (2021) Ehrrativy v neofitsial'nom internet-obshchenii: printsipial'naya innovatsiya ili zakonomernoe proyavlenie sistemnosti yazyka i pis'ma? [Erratives in Informal Online Communication: A Fundamental Innovation or a Logical Display of Systemic Nature of Language and Writing?], *Aspirantskie chteniya — 2021* [Postgraduate Readings — 2021]*. Kazan, Kazanskiy (Privolzhskii) federal'nyi universitet Publ., pp. 154–164. (in Russian)

Shipilov M. Yu., Gorbunova L. I. (2018) Izmenenie orfograficheskogo oblika yazykovoi edinitsy tipa kak otrazhenie ee funktsional'noi spetsializatsii [Change of Spelling of the Language Unit *Tipa* As Reflection of Its Functional Specialization]*, *Vestnik Irkutskogo universiteta* [Irkutsk State University Journal]*, no. 21, pp. 178–179. (in Russian)

Shutilova N. N., Akhmet'yanova N. A. (2016) Ehrrativy v sovremennom russkom yazyke [Erratives in Modern Russian Language]*, *Aktual'nye problemy sovremennoi tatarskoi filologii* [Topical Problems of Contemporary Tatar Philology]*. Ufa, Bashkirskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 420–422. (in Russian)

Sirotnina O. B. (2011) Sovremennoe sostoyanie russkoi rechi i ego sootnoshenie s normami i sistemoi yazyka [Current State of Russian Speech and Its Relation to Norms and System of Language]*, *Voprosy kul'tury rechi* [Topics in the Study of Speech Culture]*. Moscow, Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova Rossiiskoi akademii nauk Publ., pp. 54–58. (in Russian)

Sklyarevskaya G. N. (ed.) (2006) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka. Aktual'naya leksika* [Dictionary of Russian Language of the Beginning of 21st Century. Relevant Lexicon]*. Moscow, Ehksmo Publ., 1136 p. (in Russian)

Son L. P. (2009) Leksiko-semanticheskie osobennosti internet-kommunikatsii [The Lexico-Semantic Peculiarities of Internet Communication], *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin], no. 1, pp. 194–197. (in Russian)

Teliya V. N. (1991) Ekspressivnost' kak proyavlenie sub'ektivnogo faktora v yazyke i ee pragmaticheskaya orientatsiya [Expressiveness As a Manifestation of a Subjective Factor in Language and Its Pragmatic Orientation]*, *Teliya V. N. (ed.) Chelovecheskii faktor v yazyke: yazykovye mekhanizmy ehkspressivnosti* [The Human Factor in Language: Language Mechanisms of Expressiveness]*. Moscow, Nauka Publ., pp. 8–35. (in Russian)

Utkin Yu. V. (2011) Ehrratografiya: aspekty izucheniya [Erratography: Aspects of the Study]*, *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Journal]*, no. 37 (252), pp. 136–139. (in Russian)

Vezhbitskaya A. (1996) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]*. Moscow, Russkie slovari Publ., 416 p. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.